

На маленькой печке булькал глиняный горшок, каша тихо кипела.

Сковороду хорошо прогрели, налили растительное масло и смазали им дно. Нин Гуйчжу вылил на сковороду заранее размешанную яично-луковую массу, взялся за ручку и медленно поворачивал сковороду, позволяя яйцу свободно растекаться; жидкость скользила по поверхности, растягиваясь в большой ровный круг - яичный блин. Когда на поверхности почти не осталось сырого яйца, он ввёл лопатку под край, разделил блин и, провернув кисть, ловко перевернул его; эту сторону долго жарить не пришлось - прошло две-три секунды, и он уже выложил готовый омлет в чашку.

Всего лишь яйца и зелёный лук. Но густой, насыщенный аромат мгновенно наполнил кухню, и Сюн Цзиньчжоу невольно перевёл взгляд на лежащий в чашке золотистый омлет, окончательно убедившись, что слова Нин Гуйчжу о том, что он «умеет готовить», были вовсе не пустым хвастовством.

Сам Нин Гуйчжу всё ещё думал об экономии. Увидев, что в мясе много жира, он не стал добавлять масло, а, воспользовавшись оставшимися после жарки яиц каплями, выложил ломтики мяса и быстро обжарил их. Спустя мгновение вытопившийся жир он аккуратно слил и отставил в сторону, затем добавил рубленый чеснок и соль, прожарил до аромата и уже на свином жире быстро обжарил зелень.

Когда овощное блюдо было готово, Сюн Цзиньчжоу взял чашки, разлил две порции рисовой каши и вместе с Нин Гуйчжу сел за стол. Обеденным столом служил небольшой столик у очага, довольно высокий и широкий. Сюн Цзиньчжоу, сев, разместился как раз удобно, а вот Нин Гуйчжу сидеть было не слишком комфортно.

Сюн Цзиньчжоу это заметил, на мгновение замер, затем поставил чашку и палочки, поднялся. Нин Гуйчжу вопросительно поднял голову. И тут Сюн Цзиньчжоу принёс две деревянные доски и сказал:

— Вставай.

Нин Гуйчжу: «?..»

Не уловив в его словах ни капли дурного умысла, Нин Гуйчжу всё-таки поднялся. Сюн Цзиньчжоу взял табурет, на котором тот сидел, подложил под ножки деревянные доски, снова поставил табурет на место и, подняв взгляд на Нин Гуйчжу, сказал:

— Садись.

Нин Гуйчжу тронул кончик носа, немного смутившись:

— Спасибо.

Услышав благодарность, Сюн Цзиньчжоу на мгновение замер и лишь глухо откликнулся:

— Угу.

Из-за скромного набора продуктов блюда вышли на вкус довольно простыми, но это тело раньше долго голодало, утром же он съел лишь чашу каши из грубого риса да немного дикой зелени, так что теперь, когда на столе были и мясо, и яйца, и нормальные овощи, да ещё и основной едой служила рисовая каша, Нин Гуйчжу ел с большим аппетитом.

Он даже дважды вставал, чтобы добавить себе ещё. Только доев, он вдруг вспомнил, что это не современность с дешёвыми продуктами, и машинально посмотрел на Сюн Цзиньчжоу.

Тот был занят едой и даже не поднял головы.

Заметив, что Нин Гуйчжу отложил чашку и палочки, Сюн Цзиньчжоу взял большую чашку с овощами, вылил туда оставшуюся кашу и все блюда, наспех перемешал и, подняв чашку, сделал большой глоток прямо так. Нин Гуйчжу от такого зрелища просто остолбенел.

Сюн Цзиньчжоу быстро доел, встал и начал убирать посуду, заодно пояснив:

— Я не знал, сколько ты ешь.

То есть он специально оставил остатки себе.

Услышав это, Нин Гуйчжу невольно спросил:

— А ты... наелся?

Сюн Цзиньчжоу молча кивнул. Развернувшись с чашками и палочками в руках, он, отвернувшись от фулана, без всякого выражения на лице тихо икнул - всё-таки немного переел.

Вся посуда в доме была деревянной, мыть её было довольно хлопотно, и Сюн Цзиньчжоу не позволил Нин Гуйчжу вмешиваться, присев у таза и старательно оттирая чашки древесной золой. Видя, что тот занят, Нин Гуйчжу поднялся и огляделся, но подходящей работы не нашёл; зато заметил двух щенков, всё ещё возившихся друг с другом.

Тут он вспомнил, что не видел, чтобы им давали еду, и спросил:

— А чем кормят этих двух собак?

Услышав вопрос, Сюн Цзиньчжоу на миг замер, затем неловко замялся:

— Они... уже поели.

Нин Гуйчжу при этих словах наклонил голову и посмотрел на него. Сюн Цзиньчжоу не поднимал глаз, вся его поза до последнего волоска, выдавала чувство вины; он запинаясь добавил:

— Купленные маньтоу... и вода после мытья котлов из управы.

— А, ну раз поели, значит хорошо, — спокойно откликнулся Нин Гуйчжу.

Он не заметил странности в поведении Сюн Цзиньчжоу и присел на корточки, чтобы поиграть с более ласковым щенком. Услышав это, Сюн Цзиньчжоу удивлённо поднял голову. За то, что он кормил собак маньтоу, его уже не раз отчитывали, а Нин Гуйчжу, выходит, вовсе не возражал?

Увидев, что внимание гера полностью переключилось на щенка, Сюн Цзиньчжоу неожиданно почувствовал, как у него на душе становится легче. Он домыл посуду, тщательно сполоснул её от остатков золы и отнёс на кухню.

Чашки он расставил на решётчатой полке в середине шкафа, масло и соль убрал на верхнюю полку и, по привычке заперев дверцу деревянным замком, уже собрался закинуть ключ повыше, но, вспомнив о Нин Гуйчжу, передумал и положил его в выдвижной ящик шкафа. В любом случае, никто не осмелился бы прийти к нему воровать.

С этой мыслью Сюн Цзиньчжоу вышел из кухни и, небрежно прикрыв дверь, спросил:

— Пойдём сейчас к дому родителей?

— А, да, хорошо.

Нин Гуйчжу убрал руку, которую щенок успел пожевать, вытер слюну о его же шерсть и поднялся.

Увидев, что люди собираются выходить, даже менее ласковый щенок тут же завилял хвостом и увязался следом. Сюн Цзиньчжоу шёл, подстраивая шаг под Нин Гуйчжу, и они направились к стоящему впереди дому из синего кирпича с черепичной крышей.

Хотя это была деревня, дороги здесь почти не были запачканы навозом. Нин Гуйчжу предположил, что люди в эту эпоху уже умели собирать и складировать навоз. Если судить по застройке деревни Сяохэ, здесь было немало дворов, способных содержать коров и овец; не будь практики заготовки навоза, дороги никак не могли бы оставаться настолько чистыми.

Дом Сюн Цзиньчжоу находился совсем недалеко от дома его родителей. Нин Гуйчжу, только прибывший сюда, не знал, о чём говорить, да и сам Сюн Цзиньчжоу был молчалив, словно запечатанный кувшин, так что всю дорогу они шли в тишине. Лишь щенок оживлённо носился вокруг, а издали кое-кто, заметив их вдвоём, тихонько перешёптывался.

Когда до дома из зеленого кирпича оставалось ещё немного, вдруг раздался детский голос:

— Дед! Бабушка! Младший дядя и дядя Чжу пришли!□

Нин Гуйчжу машинально посмотрел в ту сторону. Голос ребёнка стих совсем ненадолго, и вскоре в дверях показались две фигуры. Супругам на вид было около сорока: одеты просто, но опрятно, в грубую домотканую одежду. Увидев, что они пришли вместе, лица их тут же озарились улыбками.

— Отец, мать, — первым поздоровался Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу на мгновение замялся, понимая, что сейчас нельзя увилывать или говорить неопределённо, и потому, немного неловко, тоже окликнул:

— Отец, мать.

Лю Цюхун и Сюн Шишань тут же расцвели от радости.

— Заходите скорее, садитесь. Вы уже поели?

Сюн Цзиньчжоу ответил глуховатым голосом:

— Поели. Чжу-гер готовил.

— Ох, хорошо, хорошо.

Улыбки на лицах супругов стали ещё шире.

Нин Гуйчжу шёл следом за Сюн Цзиньчжоу, и, едва войдя во двор, увидел высокого мужчину, удивительно похожего на Сюн Цзиньчжоу - сходство было на семь-восемь частей из десяти.

— Это старший брат, — Сюн Цзиньчжоу посмотрел на Нин Гуйчжу.

Нин Гуйчжу поздоровался со старшим братом, затем перевёл взгляд на Ван Чуньхуа, с которой виделся уже во второй раз, и снова окликнул её:

— Старшая невестка.

Познакомив с взрослыми, Сюн Цзиньчжоу указал на троих детей и продолжил:

— Это дети старшего брата и невестки. Двое постарше - близнецы, Цзиньбо и Чуаньшуй, девочка младше на год, её зовут Иньинь.

Эти имена*...

(ПП: Цзиньбо - дословно «золото и шёлк», Чуаньшуй - «река и вода», Иньинь - «пышная зелень/трава». Имена довольно поэтичные, что необычно для крестьянской семьи)

В душе у Нин Гуйчжу мелькнула тень сомнения, но, услышав, как трое детей зовут его «маленький дядя Чжу», он временно отложил этот вопрос, улыбнулся и поприветствовал их.

Подобные церемонии знакомства всегда были немного неловкими, но раз уж люди относились к нему доброжелательно и в дальнейшем им предстояло часто общаться, Нин Гуйчжу мог лишь изо всех сил сдерживать смущение, спокойно сидеть рядом и, когда разговор переводили на него, стараться отвечать как можно более уместно и полно.

— Цзиньчжоу, подойди-ка сюда.

Сюн Шишань стоял у входа в кухню и поманил рукой Сюн Цзиньчжоу, который в этот момент разговаривал со старшим братом. Тот с недоумением поднял голову, и старший брат, Сюн Цзиньпин, легко подтолкнул его в плечо.

Он поднялся и, обернувшись к Нин Гуйчжу, сказал:

— Я на минутку.

Нин Гуйчжу машинально кивнул.

Проводив взглядом, как Сюн Цзиньчжоу вместе с Сюн Шишанем вошёл в кухню, он лишь тогда осознал скрытую в этих простых словах близость и, чувствуя себя непривычно, отвёл глаза. Заметив его реакцию, Ван Чуньхуа даже развеселилась. Только из соображений, что у нового фулана слишком тонкая кожа, она не стала поддразнивать Нин Гуйчжу.

Не подозревая, что избежал подшучиваний, Нин Гуйчжу очнулся от раздумий, когда услышал слова Лю Цюхун:

— Второй сын целыми днями занят в уезде, в доме у него пока ничего толком нет. Если будет

чего-то не хватать - обращай к нему, бери деньги и покупай. Семена и прочее можешь брать у нас дома.

Нин Гуйчжу кивнул:

— Я понял.

— Ну и хорошо. В первый год после свадьбы вещей всегда нужно больше, так что не слишком экономь, старайся брать получше. Переживёте этот год, в следующем расходы уже пойдут на убыль.

Слова Лю Цюхун целиком и полностью крутились вокруг повседневных бытовых мелочей. Нин Гуйчжу находил это неожиданно любопытным, поэтому терпеливо слушал и, когда собеседница делала паузу, поддакивал пару раз для поддержания разговора, отчего Лю Цюхун лишь ещё больше воодушевлялась. Не прошло и нескольких фраз, как к беседе присоединилась и Ван Чуньхуа.

Они сидели вместе и беседовали; трое детей какое-то время украдкой наблюдали за Нин Гуйчжу, а услышав, как снаружи их зовут товарищи, тут же сорвались с места и выбежали во двор.

Сюн Цзиньпин присел неподалёку и мыл посуду. Как раз посреди разговора из кухни вышли Сюн Цзиньчжоу и Сюн Шишань, в руках у них была корзина, накрытая куском ткани. Нин Гуйчжу невольно удивился. Он только отвёл взгляд от Сюн Цзиньчжоу, как Лю Цюхун похлопала его по руке и сказала:

— Тут немного вяленого мяса и яиц. Захочешь - готовь себе сам. А за овощами, как будет время, приходи к нам, я тебя тогда с огородом познакомлю, сможешь в любой момент приходить и рвать.

— ...Хорошо, спасибо, — откликнулся Нин Гуйчжу.

Он невольно ещё раз посмотрел на Сюн Цзиньчжоу: высокий мужчина небрежно поставил корзину в сторону, затем присел рядом со старшим братом и принялся помогать мыть посуду, явно не собираясь что-либо объяснять или говорить Нин Гуйчжу.

Лю Цюхун: «...»

Ван Чуньхуа кашлянула и стала выгораживать Сюн Цзиньчжоу:

— Младший брат обычно не такой.

Нин Гуйчжу серьёзно кивнул.

Они пробыли здесь довольно долго и поднялись уходить лишь тогда, когда солнце уже клонилось к закату. По дороге, услышав, как Сюн Цзиньчжоу окликает собак, Нин Гуйчжу узнал и их имена: Даван и Эрцай. С рыжеватой шерстью, что держалась настороженно, звалась Даван; более ласковая - Эрцай, пёстрая, с крапинками. Стоило хозяину позвать, как обе собаки тут же прибежали и принялись носиться вокруг, то впереди, то сзади.

Нин Гуйчжу немного понаблюдал за ними, вспомнил имена двух мальчиков и невольно спросил:

— А Цзиньбо и Чуаньшуй... они...

Сюн Цзиньчжоу на мгновение замер, понял, о чём речь, опустил взгляд и пояснил:

— Пять лет назад, когда шёл набор в армию, отец сломал ногу и ещё не оправился, а невестка была на сносях, вот-вот должна была родить. Я тогда сам пошёл записываться.

Нин Гуйчжу застыл, повернув голову к Сюн Цзиньчжоу.

Тот продолжил:

— Потом мать сходила к гадалею, он сказал, что моя благоприятная земля находится в Цзиньчжоу, и я сменил имя. Имя брата тоже поменяли вместе с моим. А два мальчика родились как раз в день моего отъезда; когда я вернулся, узнал, что имена им выбрали, попросив учёного-сюца разобрат иероглифы.

Сказав это, он заметил взгляд Нин Гуйчжу, поджал губы и чуть улыбнулся:

— Меньше, чем через три года я вернулся живым и невредимым.

Почему-то именно эта улыбка неожиданно была довольно трогательной.

<http://bllate.org/book/14958/1326140>